Псовая охота.

Псовая охота ведется въ семьѣ гг. Челищевыхъ съ давнихъ поръ. Страсть къ охотѣ многими по справедливости называемая благородною, сдѣлалась у нихъ наслѣдственною и, переходя изъ рода въ родъ, проявляется въ самыхъ юныхъ лѣтахъ. Недавно, перебирая старыя бумаги, я нашелъ описаніе псовой охоты, сдѣланное мною въ ранней юности, когда я, по своимъ лѣтамъ, не могъ еще быть дѣйствующимъ лицомъ въ охотѣ; охотились тогда мой отецъ и старшіе братья, а меня и младшаго брата, Сергѣя, брали иногда на охоту,—или верхомъ на старой, самой смирной лошади, или, когда охотились вблизи нашей усадьбы, мы ходили пѣшкомъ смотрѣть на охоту. Вотъ найденное мною описаніе охоты:

«Мнѣ кажется, что нѣтъ лучше удовольствія, какъ псовая охота! сколько различныхъ ощущеній испытывается во время этой охоты, какое трепетное оживленіе охватываетъ душу охотника, когда гончія того и гляди выгонятъ зайца, а онъ между тѣмъ медлитъ и все еще не бѣжитъ! А какая радость, когда онъ наконецъ, притѣсненный стаей, быстро выбѣжитъ передъ вами въ поле и спущенныя борзыя начнутъ угонять его. Хотя и томится охотникъ, что долго не приходитъ время ѣзды на охоту, хотя высчитываетъ съ нетерпѣніемъ всѣ дни, остающіеся до 1-го сентября,—ибо въ этотъ день большею частію начинаютъ охоту, отчего онъ и называется охотничьимъ праздникомъ,—но за то что̀ его ожидаетъ, когда наконецъ наступаетъ давно ожидаемое 1-е сентября? Наслажденіе любимою потѣхой, раздолье отъѣзжихъ полей, травля зайцевъ, а иногда и краснаго звѣря,

это для него нерѣдко бываетъ дороже всѣхъ удовольствій въ мірѣ. Въ 1-е сентября у насъ, въ Чернишнѣ, съѣзжаются сосѣди—охотники; доѣзжачіе и борзятники собираются передъ господскимъ домомъ, на красномъ дворѣ, поздравить господъ съ праздникомъ, и трубятъ въ рога; тутъ, услышавъ звуки этой охотничьей музыки и вспомнивъ прежнія охоты, еще болѣе всѣ загораются нетерпѣніемъ, думая одно, какъ бы поскорѣе выѣхать въ поле. Но вотъ, черезъ нѣсколько минутъ слышится звукъ рога моего отца, то-есть голосъ или сигналъ къ сѣдланью лошадей, и всѣ опрометью бросаются въ конюшню; тутъ всякій спѣшитъ поскорѣе осѣдлать свою лошадь и показать, что за нимъ не стоитъ дѣло; но вотъ уже все готово, взяли на смычки гончихъ, а борзыхъ на своры, и поѣхали; чѣмъ ближе подъѣзжаютъ къ острову, тѣмъ больше всякій занятъ мыслями о томъ, что ему предстоитъ въ этотъ день, удовольствіе или неудача? Вотъ, охота уже подошла къ острову и пришло наконецъ время, котораго такъ долго ожидали. Доѣзжачіе размыкаютъ гончихъ, а борзятники уже разстановились по лазамъ. Вотъ бросили гончихъ и всѣ полны ожиданіемъ, найдутъ ли что-нибудь; но вотъ одна гончая тявкнула, къ ней подвалились другія и стая залилась и закипѣла громкими голосами. Тутъ уже забывается все, кромѣ охоты; охотничій восторгъ охватываетъ душу, усиленно бьется сердце; всякій желаетъ, чтобы на него поскорѣе выбѣжалъ заяцъ, а тотъ какъ нарочно медлитъ; но наконецъ, преслѣдуемый стаей, не имѣя болѣе возможности оставаться въ островѣ, онъ, какъ угорѣлый, выбѣгаетъ въ поле на кого-нибудь изъ борзятниковъ и мчится по полю, имѣя одно средство—спасаться бѣгствомъ; борзыя вихремъ бросаются за нимъ, охотникъ одушевляется: онъ своимъ уханьемъ какъ бы помогаетъ собакамъ; и въ самомъ дѣлѣ, при каждомъ его крикѣ, собаки ближе и ближе доспѣваютъ къ зайцу; вотъ одна уже угнала; охотникъ прибавляетъ крику, собаки бьютъ зайца съ угонки на угонку, изъ стороны въ сторону, и наконецъ одна захватила зайца и покатилась съ нимъ. Охотникъ соскочилъ съ лошади, съ самодовольствомъ откалываетъ зайца и, отпазанчивъ, торочитъ.

Я описалъ, хотя можетъ-быть не совсѣмъ удачно, травлю зайца и теперь хочу разсказать одинъ случай травли лисицы: въ одинъ день, также въ сентябрѣ мѣсяцѣ, охота гг. Челищевыхъ собиралась въ поле; охотники, давно уже одѣтые въ полевые кафтаны, ожидали голоса къ сѣдланію лошадей; иные въ нетерпѣніи ходили взадъ и впередъ по двору; другіе сидѣли и думали о томъ, какъ-то сегодня они будутъ веселиться. Вдругъ, раздался знакомый звукъ рога и всѣ опрометью бросились сѣдлать лошадей; на это немного было нужно времени, потому что всѣ только ждали сигнала и минутъ черезъ 10-ть всѣ уже были на лошадяхъ. Охотиться было назначено въ небольшомъ островѣ, называемомъ «Старая-Роща», версты за полторы отъ нашей усадьбы, и потому мы пошли пѣшкомъ, желая послушать гоньбу и увидать травлю хотя одного зайца; но, на счастье, намъ пришлось видѣть больше, чѣмъ ожидали. Лишь только охота подошла къ острову, какъ одинъ изъ охотниковъ, ѣхавшій впереди, закричалъ: «лисица... лисица!»—и толкнувъ лошадь во весь карьеръ, пустился заскакивать, чтобы лисица не ушла изъ рощи; всѣ остальные охотники, вмигъ окруживъ всю рощу, стали по мѣстамъ, а въ то время доѣзжачіе разомкнули гончихъ и бросили въ островъ. Черезъ нѣсколько минутъ гончія напали на слѣдъ и залились горячею, варкою гоньбой; всѣ ждали, что въ ту же минуту выбѣжитъ лисица, но такъ не сбылось;—гончія уже обвели полукругъ и опять гнали къ тому мѣсту, откуда были брошены, а лисица все еще не выбѣгала. Но наконецъ, выбравъ удобное мѣсто между двумя охотниками, она быстро выбѣжала въ поле, махнула трубой и покатила подъ гору по лощинкѣ, по направленію къ большому лѣсу. Борзятники, спустивъ собакъ, съ криками: «у-лю-лю!» бросились къ лисицѣ и начали травить, каждый думая, не подоспѣетъ ли его собака и не захватитъ ли первая лисицу; но доспѣвать было далеко: лисица уже свалилась подъ гору на лугъ, отъ котораго оставалось не болѣе 100 саженей до большого лѣса:—казалось, что она уже уходитъ. Но вдругъ, собаки, увидавъ близость лѣса, поддали скачки; одна изъ нихъ, скакавшая впереди, броскомъ подобралась къ лисицѣ и потащила ее

безъ угонки, а за ней и всѣ кучей навалились на лисицу, такъ что она не могла уже отбиться. Охотникъ, скакавшій впереди, такъ сильно разнесся подъ гору, что не могъ даже остановиться на томъ мѣстѣ, гдѣ собаки держали пойманную лисицу, и отбилъ ее уже другой, скакавшій за нимъ охотникъ. Вся картина травли совершилась въ нашихъ глазахъ, на томъ полѣ, гдѣ мы стояли, и привела насъ въ полный восторгъ; разговорамъ и разсказамъ не было конца. Я не стану описывать, что случилось далѣе въ это поле, а скажу только, что оно было удачно, потому что затравили болѣе десятка зайцевъ и еще одну лисицу, которую мы, ходившіе пѣшкомъ, уже не видали».

Много лѣтъ прошло съ той поры, какъ происходила описанная травля, много воды утекло, много перемѣнъ произошло въ псовой охотѣ на Руси вообще съ 1861 года, а въ особенности въ охотѣ гг. Челищевыхъ; давно уже покоится въ могилѣ мой отецъ, Михаилъ Александровичъ Челищевъ, считавшійся дѣльнымъ ѣздокомъ, знатокомъ-охотникомъ; не стало также страстнаго охотника, моего старшаго брата, Дмитрія Михайловича;—но и теперь еще семья гг. Челищевыхъ слѣдуетъ завѣтнымъ, наслѣдственнымъ преданіямъ, съѣзжается по временамъ на завѣтную русскую потѣху—псовую охоту; и теперь еще въ этой охотѣ участвуютъ старые ветераны охоты: Михаилъ Михайловичъ, Евтихій Михайловичъ и Николай Дмитріевичъ Челищевы,—а иногда и Сергѣй Михайловичъ, живущій въ Тульской губерніи. Хотя уже сѣдиною блестятъ ихъ волосы и подъ бременемъ лѣтъ слабѣютъ силы, но завѣтная страсть обновляетъ ихъ силы и подзадориваютъ ихъ молодые молодцы-охотники—пять сыновей Николая Дмитріевича. И теперь псовая охота Челищевыхъ въ Боровскомъ уѣздѣ заставляетъ помнить о ней не только удалыхъ русаковъ, но и хитрую красную кумушку и сердитаго сѣраго волка.

Евтихій Челищевъ.